

М.П. Волков

ВОЗНИКНОВЕНИЕ НАУКИ И ТРАНСФОРМАЦИИ КУЛЬТУРЫ

Деятельность как субстанция социума, реализующаяся посредством дискретных актов, нуждается для собственной самоорганизации и воспроизводства в особых структурах, выполняющих ту же функцию по отношению к социальной жизни, что и биологические программы, заложенные в генетическом коде живых существ. Эти программы имеют не биологическую, а социальную природу, но имеют то же предназначение, что и первые: нормировать человеческую деятельность и, санкционируя должное и подавляя недолжное, состыковать между собой единичные акты деятельности, обеспечивая тем самым целостность социальных подсистем и общества в целом. Система этих социально значимых программ деятельности, поведения и общения, выступающих для человека нормами и эталонами, образует культуру¹.

На всем массиве программ, относящихся к культуре определенного этноса, обнаруживается скрывающееся за внешним многообразием относящихся к различным сферам жизнедеятельности человека норм и эталонов единство, внутреннее родство, печать феномена, называемого немцами *Geistzeit*, Тайна этого родства - в мировоззрении, представляющим собой способ обоснования культурных программ. Образ мира, закладываемый системой мировоззренческих универсалий², является основанием, в пространстве которого утверждаются, обосновываются и принимаются - с разной степенью жесткости - культурные программы (нормы, эталоны, ценности).

Эволюция культуры может быть рассмотрена через смену исторически определенных форм мировоззрения. При этом сравнение формируемых в их горизонте культурных программ можно вести по таким параметрам, как степень их универсальности, «авторитет» обоснования и механизм принятия (усвоения).

Развитие культуры с позиций обозначенного подхода предстает в контексте смены таких форм мировоззрения, как магия, религиозно-мифологическая форма, философия и наука. Магия задает предельно локальные культурные программы, характеризуется признанием магических сил в качестве гарантов существующего мироустройства и покоится на страхе как психологическом механизме усвоения программ в качестве обязательных. Религиозно-мифологическое мировоззрение утверждает более универсальные культурные программы, базируется на авторитете богов (пантеон) как гарантов миропорядка и дополняет страх механизмом стыда вследствие расширения круга «своих», к которым обращены вводимые нормы. Философия обосновывает универсальные

¹ Указанная трактовка культуры реализована в ряде блестящих работ В.С. Степина, среди которых отметим: Степин В.С. Философская антропология и философия науки. М, 1992.

² О мировоззренческих универсалиях см.: Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972; он же: Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981. Степин В.С. Философская антропология и философия науки. М, 1992.

культурные программы, обращенные к человечеству, отталкиваются от гармоничного космоса и вводит на место психологических механизмов страха и стыда разум - Логос, Нус. Наука, представляя собой alter ego философии, также вводит универсальные культурные программы, апеллируя к природе («космос» философии еще содержит в себе мифологические, антропоморфные черты) с ее естественными законами и отсылая к непсихологическому по своей природе основанию их (программ) усвоения - аргументам, фактам, экспериментам.

В этом месте у склонного к аналитической работе читателя может родиться вопрос: что побуждает культуру, в нарушение естественной для нее консервативно-охранительной миссии, вводить новые культурные программы, ценностные смыслы? Действительно, складывающаяся в культуре исторически определенная система универсалий и сцепленных с ними ценностных установок менее всего склонна к недетерминированным мутациям; она сохраняется до тех пор, пока обеспечивает воспроизводство сложившихся в обществе подсистем и видов деятельности. Модернизационные процессы в культуре «являются результатом естественной социальной эволюции, которая сопровождается появлением новых форм и видов деятельности, изобретением ее новых средств и методов» [2,45].

Объяснение способности античной цивилизации сделать «взнос» в мировую культуру в виде философии и науки кроется по всей видимости, в ее предрасположенности к инновациям³. Если прибегнуть к аналогии медицинского рода, то следует признать, что классическое традиционное общество в лице Египта, Шумера, Вавилона является невосприимчивым к «инфицированию» вирусом инновационности, в то время как Древняя Греция предрасположена к нему. Свидетельством этой предрасположенности выступают феномен *techné* и активная колониальная политика, сталкивающая колонистов, а через них - и метрополию с иными культурными пространствами.

Колонии как компонент экономической и политической жизни основывались во все эпохи. Причинами их появления были вытеснение старых родов новыми; изгнание обедневших старых родов нарождающимися нуворишами; желание правящих элит избавиться от переизбытка безземельного населения, представляющего собой источник смут и потрясений; потребность в постоянных стоянках и портах для растущей морской торговли, во ввозе сырья для развивающихся ремесел. Колонии были тем местом, где история «ставила» опыты по взаимодействию и смешению народов и культур - в данном случае греческих народностей с негреческими. В этом этнокультурном тигле формировалось сознание, свободное от прежних родовых предрассудков и национального эгоизма, способное принять новые обычаи и культурные формы как норму жизни.

Античность предстает как принципиально открытая влияниям культурная система, не чужающаяся заимствованиями у других культур. Она не впадает в

³ Об основаниях и формах инновационного механизма развития античности см.: Волков М.П. Генезис науки. Проблема социокультурных истоков. - Ульяновск, 2000.

надменность от ощущения собственного величия, не боится учиться у других цивилизаций. Открытость имеет и другую сторону: она подталкивает культуру к отысканию такого способа предвидения предметных и социокультурных взаимодействий, который был бы свободен от заданности наличными порядками, от простой экстраполяции существующих тенденций на будущее. Этот способ отыскания и обоснования отличных от данных, принципиально осуществимых форм предметных взаимодействий, к которому стихийно устремлена античная культура, и есть наука.

К детерминирующим возникновение науки факторам следует отнести и статус античности как оппонента варварского мира. Варвары ничего не доказывают, все принимая на веру, довольствуясь величиим авторитета. Если греки не хотят уподобиться варварам, они должны переосмыслить заимствованные от них знания, перевести их из разряда «темных» и «запутанных» в общезначимые и обоснованные. Появление науки было ответом на «вызовы времени»: в мире сталкивающихся и переплетающихся социокультурных процессов, разворачивающихся в горизонте созданной Александром Македонским империи, спасительной оказывается сама установка на точный анализ, доказательство, поиск инвариантов.

Высокие требования к доказательности, обоснованию положений приводят к трансформации существующего способа бытия мысли, каковым является слово, в иной - письменность. За этим интеллектуальным феноменом скрывается как свойственная античной культуре авторская интенция, которая толкает достигшую высот мысль к точной фиксации первоисточника, так и стремление творцов в неискаженном виде донести до потомков результаты своих открытий.

Платон, создавший диалог, выводит способ его бытия из жизни слова, которое оперативно доносит до слушателя открытое знание, которое подпитывается энергией противоборства оппонента. Слово дает возможность владеющему им продуцировать смыслы без оглядки на суд потомков, следуя запросам жизни и подчиняясь его собственной мускульной атлетике, которую выявляет агонистика. Книги же лишь «кажутся живыми», они порождают у человека привычку пренебрегать упражнением своей памяти, что в контексте платоновской теории знания как воспоминания является достойным осуждения явлением.

Слово для его адептов предпочтительнее письменности и по моральным соображениям: учитель выбирает и направляет ученика, читателем книги может оказаться злодей, способный извлечь из книги обоснование собственного безнравственного поведения или технический способ свершения злодейства. Написанное слово опасно и тем, что оно остается жить во времени и может стать мечом «в руках ребенка» (Климент Александрийский). Человек языческой культуры осознает опасность «написанного пером»: оно становится достоянием истории и может свидетельствовать против автора.

Наука как способ обоснования культурных программ, обращенных ко всему человечеству, находит в книге надежный инструмент доведения открытого чиновничьим до разделенных пространством и временем людей. Автор как носитель слова может погибнуть, книга обладает удивительной способностью

выживать⁴.

Культурная традиция, в которой священным предметом выступает письменность и формы ее осуществления (свиток, книга), в античности подпитывалась по меньшей мере тремя детерминантами: а) потребностями полисной жизни, немислимой без периодической и «бюрократической» документации. Юридический документ, жестко фиксирующий права и обязанности сторон и исключаящую всякую личную компоненту, с одной стороны, и «бюрократический» циркуляр, функционирующий в системе управления и переводящий всякое содержание в безличную и в идеале притязающую на вечность форму, - с другой, были питательной почвой «омертвления» слова в знаке и расцвета грамотности; б) преимуществом изобретенной греческой алфавитной письменности, в которой фиксируются не только согласные, но и гласные фонемы. Тем самым здесь снимается такой недостаток всех доалфавитных видов письма, как необходимость прибегать к домысливанию текста (запись «ПЛК» может быть прочитана и как «палка», и как «полка», и как «пилка», и даже как «опилки»). Фиксация в греческой письменности всех фонем, особенно гласных окончаний, несущих основную смысловую нагрузку, сделала письменность средством предельно адекватной передачи содержания фиксируемых реалий. Становление алфавитной письменности перевело ее из профессии узкого круга лиц - писцов в явление массовой грамотности; в) появлением особого слоя интеллектуалов - ученых, которые, подобно Аристотелю, не довольствуясь ближайшим интеллектуальным окружением (в этом случае контакт может быть осуществлен посредством слова), вынуждены обращаться к регулярному чтению. Свиток, книга начинают цениться за возможность возврата к проблеме в ситуации нового метасемиотического контекста, обеспечивающего движение мысли по новой траектории. Так закладывается ценность библиотеки и культ книги, расцвет которого приходится на эпоху эллинизма и который обусловлен переходом интеллектуального обмена с коллективных форм на индивидуальные занятия, потребовавшим компенсации утрат обращением к письменным источникам.

В горизонте складывающейся новой культурной традиции сама Вселенная предстает книгой. С предельной полнотой она реализуется в новое время. «Язык этой книги - математика, а буквы - треугольники, окружности и прочие геометрические фигуры» (Галилей).

Для христианства идея написания Богом двух книг представляется естественной: первая - это Священное Писание, открывающее людям его волю, вторая - свиток творений, открывающий человеку Его могущество. Человеку как образу и подобию Бога дано расшифровать текст этой - второй - книги.

О трудностях складывания нового культа - культа книги и работы с ней свидетельствует Аврелий Августин. В шестой книге своей «Исповеди» он

⁴ Знаменитый булгаковский тезис «Рукописи не горят» вполне мог появиться в эллинистической культуре, уже начавшей создавать культ книги и сталкивающейся с чудом возрождения книг из пламени, подобно мифической птице Феникс.

передает ощущение недоумения и тревоги, которые порождает у присутствующих чтение молча книги святым Амвросием Медиоланским. Зрелище сидящего в келье человека с книгой и читающего, не произнося слов, вызывает у Августина потрясение, излившееся в рассказ о событии через тринадцать лет [1, 69]. Книжная культура, вытесняя звучащее и пропеваемое слово на периферию, делает естественной фигуру склонившегося над книгой человека, в уединении созидającego или постигающего смыслы.

Для авторов XVI века Виженера и Дюре писаное и в природе, и в человеческом знании всегда предшествует устному. Устное слово квалифицируется ими как женская, пассивная компонента языка; «активным интеллектом», «мужским началом» языка является именно Письменность. «Она одна содержит в себе истину» [3, 87]. В «галактике Гутенберга» традиция почитания первенства книги как слова напечатанного над словом звучащим становится характерологической чертой культуры.

Таким образом, возникновение науки, явившись итогом естественного развития тяготеющей к инновационности античной культуры, оказывает активное воздействие на структурные трансформации социокультурного пространства.

Библиографический список

1. Аврелий А. Исповедь // Абеляр П. История моих бедствий. - М., 1992.
2. Степин В.С. Философская антропология и философия науки / В.С. Степин. - М., 1992.
3. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. - М., 1977.